

ОТЗЫВ
официального оппонента кандидата исторических наук
Норкиной Екатерины Сергеевны
на диссертацию Мулевой Марии Сергеевны
«Еврейское население Поволжья в XIX - начале XX вв.: государственная
политика и проблемы идентификации»,
представленную на соискание ученой степени кандидата исторических
наук по специальности 5.6.1 – Отечественная история

Диссертационное исследование Марии Сергеевны Мулевой посвящено изучению различных аспектов истории еврейского населения Поволжья в XIX – начале XX вв. Представленный текст является важной попыткой осмысления процессов складывания еврейских общин поволжского региона, формирования еврейской идентичности в непростые и переломные моменты как в истории России, так и самого еврейского общества. В свете активного изучения российскими и зарубежными учеными за последние двадцать лет истории еврейских общин различных регионов Российской империи, находившихся за чертой оседлости, представленный научный труд является действительно **актуальным** и потребность в нем давно назрела. До настоящего времени «еврейская история» Поволжья не была изучена в полной мере, в ней оставались значительные лакуны, которые пытается восполнить М.С. Мулева. В круг вопросов, поставленных М.С. Мулевой в диссертации, попали классические для подобных исследований: время появления евреев в регионе, проблемы складывания общинных институтов, отношение местного населения к еврейскому сообществу и проблемы интеграции, влияние внешних факторов и внутренних процессов духовной жизни на формирование еврейской идентичности, экономические ниши еврейского населения и др. Благодаря подобной работе современные историки постепенно приближаются к ответу на вопрос: а что же представляли собой еврейские общины территорий, находившиеся за пределами черты оседлости к началу XX в.?

Безусловно впечатляют масштабы работы с источниковой базой: широким кругом опубликованных и неопубликованных документов, грандиозный труд М.С. Мулевой, направленный на кропотливый поиск и выявление материалов из фондов различных архивов. В диссертации использованы документы из фондов федеральных и региональных архивов, многие из которых вводятся в научный оборот впервые. Это позволило диссертанту обнаружить совершенно новые факты из жизни еврейских общин Поволжья, что придало работе определенную оригинальность и **новизну**. Солидная источниковая и историографическая база позволяет говорить о **достоверности** большинства наблюдений диссертанта.

Структура диссертационной работы М.С. Мулевой представляется в целом логичной и соответствующей поставленным цели и задачам, адекватно отражающей основные положения исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, построенных по проблемному принципу, заключения, списка использованных источников и литературы.

Наиболее удачной выглядит п. 2.2 "Профессиональная деятельность евреев в хозяйственно-экономической, социальной, административной и культурной жизни губерний Поволжья". В ней М.С. Мулева скрупулезно изучила экономические ниши, занимаемые евреями Поволжье, более того, с примерами из судеб и биографий наиболее успешных деятелей, показала каналы интеграции в местное

общество, в частности, через принятие христианства. Ценным в условиях современного дефицитного представления об институте раввина за чертой оседлости является установление личностей раввинов, а также попытка реконструирования топографии еврейского населения в городском пространстве.

Вместе с тем, принимая во внимание несомненные достоинства работы, обозначим замечания к рецензируемому труду. Вопросы возникают прежде всего к вводной части работы. Выбранный для изучения регион – Поволжье – никак не обосновывается автором диссертации. Следовало бы пояснить, на каком именно основании объединены перечисленные губернии применительно к истории евреев: было ли общее в отношении евреев законодательство либо экономически схожие условия, особенности административного управления, иными словами, некая отличительная черта, позволяющая рассуждать об особом положении евреев региона. Во-вторых, географические рамки настолько обширны, что в дальнейшем приводит, с одной стороны, к размыванию общей картины, с другой стороны, отсутствию четкого понимания, что же происходило хотя бы в одной из изучаемых губерний.

При освещении степени научной разработанности темы М.С. Мулевым вполне оправданно приходит к попытке выделения периодизации историографии. Главным недостатком представленной периодизации является чрезвычайно широкий охват работ: автор принимает во внимание все, что хоть как-то касалось истории евреев России в XIX - начале XX вв. Подобная работа не раз уже была проделана историками и отразилась в научных публикациях по разным аспектам русско-еврейской истории. Автору необходимо было в освещении историографии применить проблемный подход, четко соответствующий поставленной цели диссертации: изучение специфики формирования идентичности, влияния на нее различных внешних и внутренних факторов. При выделении основных трудов по истории евреев России, следовало бы подчеркнуть их особенность с точки зрения подхода и изучения материалов: например, влияние *Wissenschaft des Judentums* на некоторых русско-еврейских историков, возможность доступа к государственным архивам впервые именно у Ю. Гессена и влияние этого фактора на его нарратив и методологию и др. Абсолютно необоснованным выглядит упоминание в качестве предтечи основных научных трудов в разделе историографии некоторых работ, не являющихся таковыми, в частности: Г. Державина, Я. Брафмана. Если автор склонился к широкому охвату всевозможных трудов по истории евреев, то в этапах второй половины XX в. (зарубежная историография) и современном, автор опустил фундаментальные, повлиявшие на более позднее поколение российских и зарубежных историков: S. W. Baron. *The Russian Jew under Tsars and Soviets*. NY, 1976; H. Rogger: *Jewish Policies and Right-Wing Politics in Imperial Russia*. Basingstoke: Macmillan, 1986, работы Ю. Аврутина о крещеных евреях Российской империи и их учете и восприятии государством, а также работы О. В. Будницкого о роли евреев в революционном движении, И. Кляйнманн о диалоге власти евреев в религиозной сфере за чертой оседлости. К тому же автор диссертации уделяет значимое внимание затронутым в их работах исследовательским проблемам. Также в историографическом разделе автор отмечает, хотя и обоснованно, о доминировании «слезливого нарратива», не указывая и не ссылаясь на автора этого термина (S. Baron, 1928), широко сегодня используемого среди исследователей истории русского еврейства. Среди работ, посвященных истории евреев иных регионов и очень близких по поставленной проблеме, упущены работы

современного историка М. Пулькина, изучающего проблемы формирования общин и еврейской идентичности в Северо-западных регионах России. Говоря об исследованиях, посвященных изучаемому региону, следовало бы помимо общего описания и тематики указать на особенности похода, источниковедческую базу и недостатки, чтобы подчеркнуть, в чем именно представленная диссертация является новаторской по отношению к трудам непосредственных предшественников (в частности, труд Б. М. Пудалова). Из-за отсутствия необходимых в историографическом обзоре классических составляющих: принципа работы предшественников с источниками и их подходов, особенности постановки ими научных проблем не совсем ясно, какие именно лакуны и недостатки предшественников собирается компенсировать в диссертации автор.

Такая тематическая широта охвата историографии и вместе с тем некоторое невнимание к фундаментальным трудам диссертанта объясняется отсутствием четко определенной методологии, которая заменяется общими принципами и методами. Между тем в современной исторической науке разработаны различные подходы и методология для изучения этнической идентичности, в том числе еврейской, проблем ее формирования, а также для изучения отдельных аспектов локальной еврейской истории. В связи с этим зачастую представленное исследование создает впечатление о «краеведческом» его характере. Среди перечисленных методов отсутствует упоминание о биографическом, хотя в представленном исследовании он явно применен.

В разделе, посвященном источниковой базе, автор работы, использует традиционную классификацию исторических источников, но не осмысливает некоторые их виды критически. В частности, не проведен источниковедческий анализ используемой русской периодики, не обоснован характер выборки русских печатных органов и их особенностей, а также специфика еврейской периодики, отражавшая интересы лишь определенных групп русско-еврейского общества. Опущено упоминание использования русско-еврейской периодики и ее выборки, хотя в дальнейшем мы видим ссылки на материалы органов «Русский еврей», «Рассвет». Отсутствует и критическое осмысление Первой Всеобщей переписи населения 1897 г., как во введении, так и в основной части работы. При этом в процессе сбора сведений об инородцах имелись особенности в отношении евреев (см. работы Ж. Кадио. Лаборатория империи. Россия/СССР, 1860-1940 / пер. с фр. М., 2010), которые необходимо принимать в расчет при анализе источника в части учета евреев с точки зрения конфессиональной и языковой.

Переходя к основной части диссертационного исследования, следует обратить внимание на полную «оторванность» ее от общеимперского контекста. Практически все вопросы, освещаемые в диссертации, будь то политическая жизнь евреев и участие их в деятельности партий, хозяйственно-экономическая жизнь, процессы крещения и проблемы интеграции, остались «вещью в себе», что явно затрудняет понимание особенностей истории еврейских общин изучаемого региона. Приведем несколько примеров. Так, рассуждая об истории появления первых синагог в Поволжье, автор упоминает о строительстве синагоги в начале 1880-х. В общеимперском контексте это довольно раннее явление, так как даже в Москве это произошло чуть позднее, а в Санкт-Петербурге строительство затянулось по ряду причин. Проблемы, связанные с отсутствием раввинов, нюансы, связанные с особенностями применения процентной нормы приема в учебные заведения также продемонстрированы в отрыве от общеимперских тенденций или

иных схожих в регионах ситуациях. В разделе, посвященной политической жизни евреев, автор уходит от рассуждения о том, насколько они были представлены в местном революционном движении в контексте общеимперской ситуации (как минимум, в процентном соотношении).

Крайне необоснованным выглядит содержание первой главы диссертации (1.1.), посвященной эволюции этноконфессиональной политики империи в отношении евреев. Вполне понятно стремление автора показать основные тенденции в действиях имперской власти, однако ни в данной главе, ни далее в нарративе никак логически не показано прямое влияние на конкретную общину. Более того, подобный труд по изучению эволюции политики власти в отношении евреев уже был неоднократно проведен другими российскими и зарубежными исследователями (Р. Ш. Ганелин, В. Е. Кельнер, Ш. Штампфер и др.). Вместо подобного обзора следовало бы выявить местные бюрократические особенности поволжских губерний, распоряжения местного уровня (циркуляры и др.), особенности исполнения законов в отношении евреев на уровне диалога представителей имперской власти друг с другом и с еврейским населением.

Для всех глав диссертации крайне актуален вопрос: из каких именно губерний приезжали в Поволжье евреи? Этот вопрос особенно важен для понимания ситуации конца XIX - начала XX вв., когда еврейское население приезжает не только из черты оседлости, но и из других регионов («внутренних» губерний). От результатов тщательного изучения географии приезжих будут зависеть и особенности формирования общин, «родной» язык, менталитет, уровень образования, успех в определенной экономической нише и многое другое, что приблизит к пониманию общего портрета еврейских общин региона. Тем более, что анализируемые источники это позволили бы сделать (прошения, и др.). Нередко в тексте в связи с этим проводится отсылка к «местечковому еврейству», однако из текста это совершенно не очевидно: из каких местечек и из местечек ли прибывали в регион евреи? Для понимания географии приезжих, его социального состава и динамики крайне важно было привлечь данные метрических книг, которые имеются в фондах нескольких архивов Поволжья (ЦГАСО. Ф. 32, ГКУ ЦАНО. Ф. 1853).

С предыдущей проблемой связан и один из самых интересных сюжетов диссертации - попытка изучения процесса эволюции еврейской идентичности (п. 1.2.). Однако, в самом тексте не предпринята попытка определения этого понятия применительно к периоду, о котором ведется речь. Автор заменяет рассуждения о еврейской идентичности обзором основных подходов к понятию «этнос» или «этническая группа». В 1.2. рассуждения о еврейской идентичности, приводятся примеры нескольких подходов к ее исследованию, однако сам автор не делает выбор в пользу какого-то подхода и в связи с этим дальнейшие рассуждения об изменениях идентичности выглядят несколько хаотично: от рассуждения об интеграции и включения в активную политическую жизнь переходит к изменениям в самосознании. В дальнейшем вполне обоснованно автор переходит к описанию факторов, повлиявших на изменения еврейского самосознания, таких как Гаскала, эмансипация, поворот к русской культуре и т. д. Подчеркивая через словосочетания "местечковое еврейство", ортодоксальное местечко, "закрытый традиционный мир" (с.70), "схоластический еврейский мир" (с. 73), автор пытается намекать на уходящий мир традиции. Далее на с. 73 цитируем: «Зараженные идеями Гаскалы и вдохновленные либеральными действиями правительства 1860-х гг., они отвергали

традиционный образ жизни, религиозные традиции и стремились вырваться из схоластического еврейского мира. Эпоха породила поколенческий конфликт отцов и детей, где отцы оставались евреями, а дети, пройдя через гимназии и университеты, а не хедеры и иешивы, как их родители, познакомившись с европейской и русской культурами, уходили из своего народа». Не поясняется, что значит «оставались евреями», «уходили из своего народа». Не раз в тексте диссертации говорится о некоем традиционном укладе жизни, но какой он кроме особого отношения к религии? Ведь для понимания процессов формирования некой новой идентичности начала XX в. необходимо представление о «старой». Автор, приводя довольно примечательные примеры из жизни отдельных еврейских семей, практически не разделяет их: в общем месте оказались и дети ассимилированных, и только что приехавшие, более того, неизвестно откуда приехавшие.

Переходя к п.3.2, посвященному отношению местного населения к евреям, хотелось бы следующие недостатки. Описывая психологическую обстановку погромов 1905 г., результаты, реакцию власти, автор не уделяет должного внимания причинам. Отмечая, что пострадавшими явились не только евреи, но также немцы, представители интеллигенции и другие группы населения, М. С. Мулевая не указывает, каким именно лозунгам следовали погромщики и можно ли называть эти погромы еврейскими. Документальные материалы, использованные для изучения антиеврейских настроений начала XX в., позволяют это сделать. Далее, рассуждая о возможных мотивах и причинах, автор пишет, что «наиболее взрывоопасное время приходилось на канун крупных *иудейских* (выделено нами, Е. Н.) праздников» (с. 206). Однако, большинство еврейских погромов в России приходилось в канун именно христианских праздников, а точнее Пасхи и Рождества (Варшава, 1881, Кишинев, 1903, Елисаветград, 1905 и др.). Описание публикаций в прессе в напряженные дни погромов (в частности, «Волга») сводится к простому их пересказу без проведенного анализа: общей направленности данного печатного органа, финансовой его основы, заказчиков и авторов, иными словами, упущено критическое осмысление публикаций.

В связи с перечисленными недостатками: размытыми представлениями о еврейских общинах в отдельных регионах, оторванностью от общеимперского контекста, недостаточно критическим осмыслением источников, отсутствие главной методологии выводы в диссертации также не отличаются четкостью. Так, на с. 237 М.С. Мулевая пишет: «В целом, сложившееся в рамках Поволжья еврейское население отражало судьбу своих соплеменников, проживавших на территории внутренних губерний Российской империи в рассматриваемый период». Однако, в основной части текста не упоминается, как именно жили эти самые соплеменники в других регионах, ведь в каждом регионе была своя специфика. В частности, можно ли говорить об особой идентичности евреев Поволжья, как это дискутируется в отношении евреев Сибири? В чем именно повторялась эта судьба? Как мы видим, законодательная база для каналов интеграции одна и та же, но условия и результаты явно зависели от локальной экономической, политической и социальной специфики. Также напрашиваются более четкие выводы, касающиеся изменений еврейской идентичности: автор отмечает, что для большинства исход из черты оседлости не был равен отречению от своего прошлого: какие именно группы остались связанными с религией, кто

уходил в светскую жизнь и «забывал» о своем происхождении и принимал крещение.

Помимо научных недостатков, удивляет риторика текста. В тексте довольно часто встречается словосочетание «еврейский контингент», что, вероятно, связано с влиянием на автора диссертации текстов источников военного делопроизводства Российской империи.

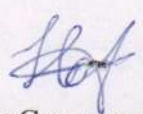
Высказанные выше замечания не снижает высокой оценки настоящей рукописи, ее историографической и практической значимости. Поэтому считаю, что диссертация Марии Сергеевны Мулевой представляет собой целостное завершённое оригинальное научно-квалификационное исследование, имеющее значение для исторической науки. Диссертационная работа соответствует паспорту специальности 5.6.1. – Отечественная история.

Материал и выводы работы могут быть полезными для дальнейшего изучения и преподавания отечественной истории, культурологии, в чем состоит **практическая значимость** диссертации.

Основное содержание диссертации нашло отражение в 8 научных работах, среди которых 4 опубликованы в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Российской Федерации. Отдельные результаты исследования получили освещение в докладах, сделанных на научных конференциях.

Диссертационное исследование Марии Сергеевны Мулевой «**«Еврейское население Поволжья в XIX - начале XX вв.: государственная политика и проблемы идентификации»**» в целом отвечает научно-квалификационным требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям, и соответствует пп. 9–11, 13, 14 «Положения о присуждения ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 (в действующей редакции), а её автор несомненно заслуживает искомой ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.1 – Отечественная история.

Официальный оппонент:
кандидат исторических наук,
доцент кафедры иудейской теологии и
еврейской культуры Института теологии
ФГБОУ ВО Санкт-Петербургский
государственный университет

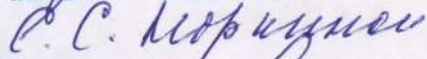

Екатерина Сергеевна Норкина

1 декабря 2025 г.

Рабочий адрес: 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9.
+7 (812) 363-66-70
E-mail: Norichmail@yandex.ru

ЛИЧНУЮ ПОДПИСЬ

ЗАВЕ РЯ Ю

ЗАМЕСТИТЕЛЬ НАЧАЛЬНИКА
УПРАВЛЕНИЯ КАДРОВ СРБГУ
Н. К. КОРЕЛЬСКАЯ

01.12.25